

— Ааа!!

Гнев женщины-призрака разгорелся с новой силой. После смены тела её речь стала богаче, и она издавала пронзительные крики, меняя тон. Холодный ветер поднялся, словно множество невидимых духов пряталось в темноте, а жуткое хихиканье раздавалось со всех сторон, как в ту ночь в храме Чэнхуана.

Сы Хуай, видимо, обладал талантом разозлить призрака. Лицо служанки, в которую вселился демон, стало невероятно искаженным. Она издавала нечеловеческие звуки, её ноги медленно отрывались от земли, и она двигалась гораздо быстрее, чем раньше. В мгновение ока она оказалась перед Сы Хуаем, который слегка отклонился назад, почти скользя по земле.

— Монах! — срочно позвал он, наконец поднеся к губам маленькую флейту, которую до этого держал как игрушку, и заиграл мелодию, высокую и печальную, разнесшуюся под ночным небом.

Звук флейты был чистым и печальным, словно он стоял высоко в горах, слушая шум воды в долине, и вдруг услышал небесное пение.

Обычные люди не могли понять, но У Нянь знал, что это буддийская мантра, называемая «Гимн горы Юйшань».

На руке у него были четки из пурпурного сандала, и он знал буддийские мелодии. Если это было лишь из-за знакомства с монахом, то, должно быть, этот монах был ему не просто знакомым.

Однако сейчас было не время думать об этом. У Нянь уже действовал, пока призрак был отвлечен Сы Хуаем. Он сыграл роль вероломца, одной рукой размахивая «посохом архата», а другой создавая золотой символ «свастики» перед собой. Он прыгнул в воздух и нанес удар сверху.

«Служанка» остановилась на месте, медленно повернула голову, словно вывихнув её, и повернула лицо назад. Она слегка подняла его, улыбнулась У Няню, а затем, словно кусок мягкой глины, упала на землю.

Музыка Сы Хуая еще не прекратилась, и У Нянь начал читать заклинания в такт его мелодии. Красный дух вырвался из тела упавшей и попытался убежать, но звон колокольчика остановил его на месте.

Первая из пяти буддийских заповедей — не убивать. Хотя этот призрак уже был мертв, уничтожить его душу было бы равносильно убийству. У Нянь в этой жизни был добросовестным монахом и, вероятно, не смог бы на это пойти.

Сы Хуай слегка моргнул, музыка флейты резко оборвалась. Короткая костяная флейта, словно кисть, повернулась на его пальце, излучая слабый голубоватый свет. С невероятной силой он ударил по эфемерному телу призрака.

Жуткий смех вокруг мгновенно исчез. Красные и черные испарения сгустились в комок, колебались некоторое время, а затем медленно рассеялись.

Сы Хуай глубоко вздохнул в душе: жаль, что такой источник для восстановления духовных сил был уничтожен его же рукой.

— Мэй И... Мэй И...

Ян Чанцин, стоящий рядом, повторял имя Мэй И. Его тело, словно подкошенное, скользнуло по стене на землю. Он, словно в бреду, пытался соединить две разорванные половинки свитка, но все попытки были тщетны. Наконец, он сдался и зарыдал.

Окружающие посмотрели на изможденного ученого, а затем на барышню Мэй, которая стояла рядом и тихо плакала. Только тогда они вспомнили, что Ян Чанцин не был практикующим и не мог видеть того, кто находился за гранью жизни и смерти.

Ян Чанцин вдруг что-то вспомнил, крепко прижал разорванный свиток к груди и, ползя на четвереньках, направился к монаху У Няню:

— Учитель, что делать? Свиток, в который вселилась Мэй И, разорван. Что будет с ней? Она исчезнет? Учитель, спасите её! Вы могущественны, вы смогли позволить мне увидеть её, значит, вы можете спасти её, правда?

У Нянь всегда тяжело переносил такие сцены расставания, особенно когда взрослый мужчина плакал так горько и умолял его на коленях. Его сердце наполнилось состраданием, и он поспешил помочь Ян Чанцину подняться.

— Барышня перед смертью сохранила сильную привязанность, поэтому после смерти вселилась в свиток. Вы должны понять, что даже если вы будете носить этот предмет с собой, вы всё равно разделены вечностью.

Ян Чанцин немного пришел в себя и, всхлипнув, вежливо ответил:

— Я знаю. Но я простой человек, и, полюбив кого-то, не могу отпустить. Когда мы впервые встретились в храме Юэлао, я и Мэй И поклялись быть вместе навсегда, в жизни и смерти. Сегодня, благодаря вашей помощи, я смог увидеть её снова. Мы уже обменялись клятвами, и даже если она призрак, я буду с ней до конца, даже если не смогу её видеть. Я знаю, что она рядом, и этого достаточно.

— Ваша преданность барышне трогает до глубины души, но... — У Нянь взял из его рук разорванный свиток и, немного колеблясь, повернулся к Сы Хуаю. — Я, монах, не умею реставрировать картины. Может быть, вы, Сы Хуай, сможете?

Сы Хуай сжал губы и с сожалением покачал головой, затем закатил глаза к небу.

Он даже дырку в одежде зашить не умел, куда уж ему до такой тонкой работы. Этот монах явно переоценивал его способности в странных вещах.

У Нянь тоже не питал больших надежд на то, что Сы Хуай сможет починить картину. Увидев, что тот отвернулся, он лишь тихо вздохнул и символически сложил разорванный свиток.

Неожиданно, когда две половинки свитка соприкоснулись, они вспыхнули, как масло, попавшее в огонь. Зеленоватое пламя, чистое, как стекло, мгновенно охватило свиток, превратив его в пепел. На ладони У Няня остался маленький кусочек нефрита размером с монету, излучающий слабый золотой свет.

— Это... — У Нянь пристально посмотрел на странный предмет в своей руке, не решаясь двигаться.

Сы Хуай слегка нахмурился, протянул руку, чтобы взять его, но предмет внезапно потерял силу и упал на ладонь У Няня. Золотой свет исчез, и он стал похож на обычный кусочек нефрита.

Странное чувство охватило Сы Хуая. Ему казалось, что он знает, что это такое, но не мог вспомнить.

Немного подумав, он медленно убрал руку, его глаза потемнели.

— Эта женщина-призрак так отчаянно хотела заполучить свиток. Может, она хотела именно это?

— Но что это? — У Нянь поднял кусочек нефрита, чтобы все могли его увидеть. — Похоже на осколок нефритового кольца, но почему свиток сам загорелся и превратился в это?

Собравшиеся вокруг практикующие покачали головами. Это было слишком сложно для их понимания.

— Учитель... — Ян Чанцин, который уже почти онемел от увиденного, наконец робко заговорил. — Свиток уничтожен. Что будет с Мэй И?

— Кхм... — У Нянь спрятал предмет в ладони, чуть не забыв о главном. Посмотрев на барышню Мэй, которая выглядела так же печально, он задумался, затем громко позвал. — Чэнь И!

— Эй! Я здесь, дядя! — молодой монах высунул голову из-за ворот и быстро подбежал.

— Только что в саду было слишком жарко, я не решился войти. Зачем вы звали, дядя?

— Сходи в комнату и принеси мне мои четки из агарового дерева.

— А? — Чэнь И на мгновение застыл, думая, что ослышался. — Но это ваши любимые четки, вы их даже не показываете. Зачем они?

— Иди и принеси, не задавай лишних вопросов.

— Я... — Чэнь И надул губы, хотел возразить, но, будучи тринадцатилетним мальчишкой среди взрослых, он не осмелился. Он лишь тихо пробормотал «хорошо» и отправился за четками.

— Благотворитель, — У Нянь слегка кивнул Ян Чанцину. — Вы рисковали жизнью, защищая свиток, поэтому барышня не пострадала и не исчезнет. Но если бродячий дух потеряет пристанище, его могут обнаружить слуги подземного мира и забрать. Даже если его не найдут, со временем он исчезнет без опоры. Теперь, когда свиток уничтожен, нужно найти для барышни новое пристанище.

У автора есть что сказать:

Фаньбэй — это чтение сутр монахами, позже этот термин стал обозначать буддийскую музыку, то есть фань-юэ. «Гимн горы Юйшань» — классический пример фаньбэя, написанный Цао Чжи; его отличает лёгкость и печальная мелодичность.

Всё вышеизложенное я нашёл в интернете; в тексте это означает просто буддийскую музыку~

Простите, что у меня плохо получается описывать боевые сцены со звуками «сю-сю-сю», но когда У Нянь выходит на бой, у меня внутри всё ха-ха-ха (закрываю лицо).

<http://bllate.org/book/16805/1545790>